

В.Н. Шевченко

Противоречия в современном российском обществе в контексте уроков российской революции 1917 г.

Актуальность изучения сегодня уроков российской революции 1917 г. и прежде всего Октябрьской революции заключается в том, что ситуация в современном мире и в постсоветской России удивительно напоминает ту, которая была в мире в первые десятилетия XX в. В воздухе вновь пахнет порохом, весь мир вступил в полосу стратегической нестабильности и грядущих социальных потрясений.

Известный американский экономист И.Валлерстайн пишет о нарастании хаоса и обострении всех противоречий в современном мире. «Мы живем в эпоху перехода от нынешней микросистемы, капиталистической мировой экономики, к другой микросистеме или микросистемам. Мы не знаем, будет она лучше или хуже. ... Она будет эпохой конфликтов и усиления беспорядков и тем, что многие будут считать крахом моральных систем»¹.

«Напряженность в мире нарастает по мере того, – пишет А.С.Панарин, – как происходит все более откровенная социальная поляризация мира и открываются две противоположные перспективы: одна для избранных, предназначенных для вхождения в новое информационное общество, другая, противоположная, – для отверженного большинства мира»².

А.Салмин отмечал еще в 2001 г., что «не случайно многие новейшие рассуждения о мировом порядке XXI в. выглядят почти как цитаты из сочинений экономистов и социологов девяностолетней давности»³.

Что касается имперской России, то она сосредоточила в те времена, как в фокусе, все противоречия тогдашнего мира, являлась наиболее слабым местом мировой капиталистической системы. Впрочем, современная отечественная мысль старается не пользоваться категорией противоречия, ее больше привлекают такие понятия, как вызовы и угрозы, конфликты и ресурсы и т.д., которым, кажется, намеренно придается предельно конкретное содержание.

Изучение противоречий предполагает многоплановость, признание объективных закономерностей, глубокий историзм. Так вот, имперской России были объективно присущи все типичные противоречия мира: между трудом и капиталом, между развивающимся капитализмом и средневековыми порядками и традициями, между высокоразвитыми промышленными районами и отсталыми окраинами, рост национально освободительных движений. Кстати, такой была практически общепринятая точка зрения в советском обществоведении. Можно спорить об интерпретации этих противоречий, их взаимодействии между собой, но невозможно, на мой взгляд, и сегодня отрицать их наличие.

Интересно, что многие авторы также пишут о современной России как о новом перекрестке, на котором встретились те главные противоречия, которые охватили ныне весь современный мир. Говоря о ситуации в стране, В.Д.Соловей ссылается на слова В.И.Ленина о России как о слабом звене мировой капиталистической системы. «Эта слабость вызвана одновременной концентрацией неразрешенных противоречий старой, социалистической эпохи и выявлением противоречий новой, капиталистической эпохи. ...Старые механизмы стабильности разрушены – социальные и культурно-идеологические, а новые не созданы»⁴. По замечанию А.А.Малиновского, «крупнейшая страна мира Россия... стала средоточием основных негативных процессов глобализации мировой экономики»⁵. Ниже мы еще остановимся на подробном анализе этой ситуации.

В логике всемирной истории начала XX в. **российская революция 1917 г.** явилась способом разрешения противоречий России и создала условия для решения противоречий всего остального мира. Системный кризис в обществе привел к выбору революционного пути перехода страны на новый уровень исторического развития. Он сопровождался полным разрушением, до самого основания,

практически всех институтов монархической власти, что произошло после Февральской революции, а затем собиранием государства на принципиально новой, советской основе.

Каждая революция имеет свою жесткую логику. Можно даже сказать, что развивающаяся по восходящей линии революция больше управляет людьми, чем люди ее направленностью. Революция завершается тогда, когда происходит «отверждение» новых политических, государственных, экономических, идеологических форм жизни, выбор национального пути развития. И тогда возникает конфликт внутри революционных сил между теми, кто уверен, что революция все еще на подъеме, и теми, кто считает, что революционный период переустройства общества закончен или заканчивается, а выбор национального пути по сути сделан.

Теперь в новой логике развития истории XXI в. Россия так же должна решать свои противоречия, как это было 100 лет назад. Приходится с сожалением констатировать, что мы живем в стране невывученных уроков. Власть своими действиями вольно или невольно способствуют нарастанию объективных противоречий в стране, росту социальной протестной энергии, тем самым приближает революционную ситуацию, а не удаляет страну от нее. Важно сегодня знать тогдашнюю ситуацию в стране и в мире, знать и понимать, что привело к революции 1917 г., и потому отчетливо видеть, на каких путях возможно сегодня противодействие росту социальных конфликтов, а какие пути так или иначе ведут к ним. Любой здравомыслящий человек, тем более ученый, независимо от его идейных позиций, исповедует один важнейший принцип: как сочетать реформирование общества и контроль над ходом протекания социальных процессов. Чем радикальнее реформы, тем острее потребность в таком контроле. Разумеется, конкретный политический анализ ситуации в стране полезен и необходим. Но изучение политического ландшафта явно недостаточно для решения проблем, проистекающих из всей суммы одних, сложившихся и других, еще только складывающихся противоречий.

В лавинообразном потоке современной литературы по российской проблематике большое внимание уделяется влиянию внешнего фактора на ход истории России. Но в основном речь идет о внешнеполитических факторах, в том числе и военных. В последнее время стало очевидно решающее влияние на ситуацию в стра-

не состояния финансовых, экономических, торговых отношений с зарубежными государствами, с транснациональными корпорациями, международных отношений в целом.

В теоретическом изучении особенностей влияния внешнеэкономического фактора на развитие России имеется целый ряд мало исследованных проблем, решение которых поможет сделать грамотное сравнение ситуации начала XXI в. с ситуацией первых десятилетий XX в., а также определить границы правомерности такой аналогии.

Внешнеэкономические факторы не только влияли, но и в значительной степени определяли на протяжении последних пяти столетий траекторию, исторический путь развития страны. В результате Россия приобрела устойчиво циклический характер экономического и политического развития: от распада и нового собирания своих земель до взлета и расцвета, после чего наступали стагнация, застой, кризис и вновь социальный взрыв. Российскому государству не один раз в своей истории приходилось переживать смутные времена, в частности управленческие катастрофы, дважды приводившие только на протяжении XX в. к гибели государства. Причиной этих катастроф были не просто неверные действия первых лиц государства, правящей элиты, но отсутствие у них понимания всей глубины кризисной ситуации. Необходимость выживания и дальнейшего развития страны в условиях мощного воздействия на неё внешних факторов неоднократно приводила к перерождению многих возникавших в обществе новых явлений и процессов. Эта особенность истории российского общества остается наименее изученной в социальных науках.

Отечественный историк В.П.Булдаков прав, когда говорит, что «сегодня разделение российской истории на национальную и внешнюю – очевидный анахронизм»⁶, в том смысле, что в рождении и развитии всех внутренних противоречий России самое непосредственное участие принимают внешние факторы. Чем дальше развивалась история, тем это воздействие становилось все более масштабным и действенным. Именно по причине глубинных многомерных зависимостей развития страны от внешних факторов и внезапного наступления, на первый взгляд, открытого кризиса в стране правящие круги могли и не увидеть реальных пу-

тей для разрешения острейших внутренних проблем. Так было в царской России, в советские времена, сходная ситуация наблюдается в стране и в настоящее время.

В классической марксистской мысли был сформулирован ряд важных идей для понимания особенностей воздействия внешнеэкономических факторов на развитие той или иной конкретной страны. К.Маркс впервые рассмотрел капитализм с двойкой точки зрения: и как общественный способ производства материальных благ, и как мировую экономическую систему. В центре внимания К.Маркса находились противоречия в капиталистическом способе производства в странах Западной Европы – между производительными силами и производственными отношениями, между общественным характером труда и частнокапиталистическим присвоением продукта трудовой деятельности рабочего класса и т.д. К.Маркс указал в «Капитале» на противоречие между трудом и капиталом как на экономическую основу неизбежной социальной (коммунистической) революции в Европе⁷.

Впоследствии Р.Гильфердинг, К.Каутский, В.И.Ленин, другие авторы создали работы по анализу империализма как новой, высшей стадии развития капитализма. Особенно для Ленина был важен показ раздвоенности капиталистической системы на стадии империализма на «метрополию, центр» и «периферию», а также характер связи между ними.

В начале XX в. Р.Люксембург написала работу «Накопление капитала», в которой она подвергла критике ряд положений, сформулированных К.Марксом в «Капитале». В этой работе Р.Люксембург показала действие закона накопления, концентрации и централизации капитала, при котором «капиталистическое накопление как общественный процесс, с первого до последнего дня, развивается в среде различных докапиталистических формаций, в постоянной политической борьбе и непрерывном экономическом взаимодействии». По этой причине, как считает Р.Люксембург, «здесь именно духу теории Маркса будет вполне соответствовать отказ от предпосылок I тома «Капитала». Сам Маркс только поставил вопрос о накоплении совокупного капитала, но не ответил на него»⁸.

Упомянутый ранее И.Валлерстайн в 70–80 гг. XX в. внес большой вклад в разработку основных принципов мир-системного анализа, который получил широкое признание в мире.

И.Валлерстайн показал, что в рамках капиталистической мироэкономики, во-первых, складывается разделение на ядро или центр, полупериферию и периферию. Он также показал, что причиной этого разделения выступает мировое общественное разделение труда между ними. Оно позволяет центру системы извлекать прибавочный продукт на основе неэквивалентного обмена, а также создавать рынки для распространения продукции своего технологически более развитого производства. При этом финансовые потоки имеют преимущественное направление от периферии и полупериферии к центру. В концепции И.Валлерстайна много спорных положений. Обращает на себя одно критическое замечание в адрес этого ученого. В своем предисловии к его работе «Анализ мировых систем» Б.Кагарлицкий ставит вопрос, насколько «капиталистической» является капиталистическая мироэкономика И.Валлерстайна. С точки зрения последнего, которого интересовали преимущественно мировые экономические отношения, если система в целом является капиталистической, то и все включенное в нее, по Валлерстайну, тоже есть капитализм. Однако в этой системе содержатся многочисленные структуры и элементы, фактически унаследованные от прошлого и живущие по иной логике. Природа этих некапиталистических структур и отношений, пишет Б.Кагарлицкий, не стала предметом конкретного анализа у И.Валлерстайна⁹.

Концепция капиталистической мироэкономики оказала большое влияние на изучение современных экономических процессов в мире, в частности, на понимание особенностей развития периферийных и полупериферийных стран, находящихся и ныне в капиталистической мироэкономике прежде всего с точки зрения действия закона накопления, концентрации и централизации капитала.

Что касается России, то ранее, в советские времена, по идеологическим соображениям не признавалась особая значимость и особые последствия экономической зависимости страны от центра капиталистической мировой системы. Такой позиции придерживался и автор настоящей статьи, который вместе с известным историком К.Н.Тарновским писал в 80-е г.: «Имевшая место определенная зависимость России от западноевропейских держав вследствие притока иностранных капиталов не была сопряжена с зависимым типом капиталистического развития, тогда как колониальные и

полуколониальные страны Востока находились в мировой капиталистической системе на положении сырьевого придатка, и важнейшие сдвиги в экономической и социальной сферах этих стран были обусловлены прежде всего нуждами развития метрополий»¹⁰. Сегодня эта позиция подлежит пересмотру. Есть достаточно оснований утверждать, что имперская Россия тем дальше, тем больше развивалась именно в рамках модели зависимого типа развития.

Россия на протяжении нескольких столетий стремилась стать капиталистической страной по западному образцу, но так и не смогла этого сделать вплоть до 1917 г. Некоторые либеральные авторы сегодня утверждают, что здесь помешал приход к власти большевиков. Обращение к анализу развития России как периферийной империи (полупериферии) приводит совсем к другому выводу. Нужно более пристально взглянуть на действие трех факторов. Во-первых, экономика страны по мере развития все в большей степени ориентировалась на внешний рынок, зависела от него, поскольку она была помещена на строго определенное место в мировом капиталистическом разделении труда. Во-вторых, в течение всего времени развития западного капитализма действовал и продолжает действовать в настоящее время закон накопления, концентрации и централизации финансового капитала в центре современной мировой системы, которая и есть капиталистическая мировая экономика. И, в-третьих, всякий раз предпринимаемая Россией очередная попытка догнать ушедшие вперед западные страны приводила к появлению нового варианта или витка зависимости. Отсталость и зависимость – это разные проблемы исторического развития страны.

Европейским странам, как центру капиталистической мировой системы, по мере индустриального развития требуются все в больших количествах товары сельского хозяйства, природное сырье, полуфабрикаты и т.д., на продажу которых и начинает ориентироваться отечественная правящая элита и торговый капитал. Здесь и находится самый общий ответ на вопрос о причинах социального, культурного и идейного раскола в российском обществе, который сопровождает его историю на протяжении последних столетий, начиная, по крайней мере, со второй половины XVII в.

Суть раскола заключается в том, что государственная элита, бюрократия вместе с торговым, посредническим капиталом заняты обслуживанием прежде всего запросов внешнего рынка. От

удовлетворения потребностей стран центра зависит их благополучие, их «европеизация». Чтобы получать хорошие валютные доходы, быть конкурентоспособными, отечественные производители, которые работают на внешний рынок, идут на максимальное понижение издержек производства. Это препятствует развитию внутреннего рынка, горизонтальных структур в обществе, развитию социальной сферы жизни, возникновению потребности в структурных политических реформах. Западная Европа как тогдашний центр системы вкладывает периодически в российскую экономику значительные инвестиции, но, как правило, только для производства необходимых ей товаров.

Основная часть населения остается глубоко укорененной в традиционные структуры и в традиционную жизнь. Иначе говоря, раскол можно объяснить через закономерности развития периферийного капитализма в России. Раскол – неустранимое явление в жизни страны, и встает вопрос, как возможно эффективно управлять расколотым российским обществом на протяжении столетий, а тем более сегодня, в XXI в., когда российское общество по-прежнему остается в значительной мере таковым.

Характерный для России устойчивый идейный и социальный раскол многократно описан и исследован с фактической стороны. Хорошо известны слова отечественного философа Г.Федотова о том, что «Петру удалось на века расколоть Россию: на два общества, два народа, переставших понимать друг друга. Разверзлась пропасть между дворянством (сначала одним дворянством) и народом (всеми остальными классами общества). ...Отныне рост одной культуры, импортной, совершается за счет другой – национальной¹¹.

В истории российской экономической и политической элит зримо просматривается постоянное соперничество двух основных группировок, имевших различные стратегические линии поведения. Цели наиболее мощной части политической элиты и торгового капитала заключались в том, чтобы устранить рыночных конкурентов по торговле с Западом зерном, различным сырьем с помощью политических союзов или военных действий, получить хорошую прибыль, одним словом, занять выгодные позиции в международном разделении труда. Эта часть элиты не испытывала и сегодня не испытывает особой озабоченности от периферийного положения страны.

Другая часть экономической и политической элит пытается сделать ставку на национальный промышленный капитал, стремится, не всегда осознанно, сократить размеры экономической отсталости страны. Она многие годы и десятилетия тешит себя иллюзией, что страна может сделать энергичный рывок, если ей не помешают, и войти в группу стран центра капиталистической мировой системы, пусть и на положении отстающей страны.

Ответ на вопрос о том, можно ли было осуществить это вхождение в дореволюционную эпоху, скорее всего, должен быть отрицательным. Имперская Россия не просто отставала от центра. Она не смогла стать частью центра прежде всего потому, что центр всячески содействовал ее пребыванию в мировой системе именно в качестве периферии и делал все возможное, чтобы не допустить преобладания тенденций на самостоятельное экономическое, промышленное развитие страны, другими словами, промышленного капитала над торговым.

В условиях периферийного капитализма только часть общественного хозяйства, включенная во внешний рынок, приобретает капиталистические черты, но доминирующим в экономике и в обществе выступает торгово-посреднический капитал. Ориентированная на западные ценности правящая элита, государственная бюрократия начинают перенимать черты западного образа жизни, на что тратятся огромные деньги. Чем дальше развивается страна, тем больше долгов оказывается у страны. Начиная с правления Екатерины II, власть все больше живет в долг. Екатерина взяла в общей сложности 20 займов на сумму 75 млн гульденов. Долг неоднократно реструктурировался и был окончательно погашен только в 1891 г. Европеизированная государственная бюрократия, правящая элита становятся внешним парадным фасадом государства, за которым скрываются огромные пласты архаики и традиционализма. Принципиальную значимость для судеб страны играет факт выборочной модернизации и, следовательно, выборочной европеизации страны. Примерно до середины XIX в. имперская Россия свое экономическое отставание уравнивала на европейской арене военно-политической мощью и дипломатическими победами.

С 70–80-х гг. XIX в. в Западной Европе начинается становление индустриального капитализма как империализма. С этого времени самодержавная власть перестает справляться с грузом на-

висших над ней проблем. Передовые европейские идеи, в первую очередь либерализм и социализм, постепенно разлагают традиционные духовные, ценностные основания империи.

Вопреки распространенным взглядам, которые и сегодня разделяются людьми самых различных политических ориентаций, пореформенная Россия вовсе не двигалась быстро и успешно по капиталистическому пути. К 1917 г. в ней не сложился и не мог сложиться в общем сколько-нибудь целостный капиталистический способ производства, капитализм как общественно-экономическая формация. Страна являла собой пример крайне неорганичного, «разорванного» типа развития, когда по мере ее продвижения вперед росла несвязанность, обособленность, разрыв в уровнях развития различных социально-экономических укладов.

Главное внутреннее противоречие, лежавшее в основе всех революционных потрясений в стране первых десятилетий прошлого века, состояло в том, что самому отсталому землевладению, самой архаичной деревне противостоял передовой по европейским меркам промышленный и финансовый капитал. В этом обстоятельстве и заключается ловушка всех стран периферийного капитализма, когда в стране объективно складывается ситуация «наложения исторических эпох» и свойственных им противоречий. Становящийся капитализм имеет непреодолимое препятствие для своего развития в виде мощной самодержавной власти, многочисленных пережитков. Противоречия, принадлежащие к разным историческим эпохам, способствуют взаимному их «разогреву», досрочному предельному обострению. Это есть общеисторическая закономерность, однако наложение противоречий может иметь различные формы своего разрешения, что важно для понимания сходства и различий в ситуации прошлого века и нынешней ситуации.

Обострению клубка внутренних противоречий и способствовал особый тип развития отечественного капитализма как уклада. В течение всей второй половины XIX в. нарастает зависимость российской экономики от иностранного капитала, значительная часть передовых отраслей промышленности принадлежат французскому, немецкому, бельгийскому капиталу. Из 40 акционерных банков собственно русскими были два. Привлечение иностранного капитала в форме займов и инвестиций лежало в основе финансовой политики министра финансов Витте. Количество иностранных

компаний росло в России невиданными темпами, несмотря на серьезную оппозицию его политике на всех уровнях, включая лиц царского двора. В конце века иностранный капитал превратился в мощное средство выкачивания внутренних накоплений. К началу первой мировой войны Россия имела государственный долг – свыше 9 млрд. рублей, из них половина – это внешний долг, который в два раза превышал все иностранные капиталовложения в экономику¹². Правящая элита во времена Николая II залезает в огромные долги, что приводит к невыгодной для страны смене союзников. Вместо Германии Россия начинает дружить с Францией и Англией, что считается выдающимся политическим успехом англо-французской дипломатии, которой вскоре удалось столкнуть Россию и Германию, вывести их из числа своих опасных конкурентов.

Если промышленный капитализм все же развивался темпами, сопоставимыми с темпами европейского капитализма, то российская деревня по мере его развития становилась все более бедной и разоренной.

Нельзя назвать успешными и реформы Столыпина, к тому же они вызывали сильное противодействие со стороны многих влиятельных лиц царской семьи и правящей элиты. Доминирующей тенденцией в деревне выступала пауперизация крестьян в массовых масштабах. Капитализм делал из значительной части крестьян босяков. Босячество – это образ жизни миллионов людей в дореволюционной России, которые представляли собой огромную социальную силу, увы, разрушительную, анархическую, но малосозидательную.

Поэтому в стране с каждым шагом вперед по пути капитализма уровень социальной напряженности не снижался, а постоянно возрастал. Неумолимый ход событий толкал страну к одной из самых мощных социальных революций – «катастроф», когда-либо имевших место на мировой исторической арене.

Многочисленные попытки с этой стороны защитить российскую империю приводят в конце XIX в. к попытке разыграть «русскую карту». П.А.Столыпин неоднократно подчеркивал особую роль русского народа в строительстве империи. «Мы ответим за то, что пали духом, что мы впали в бездействие, что мы впали в какую-то старческую беспомощность. Что мы утратили веру в русский народ. В его жизненные силы.»¹³.

Но ставка правящей элиты на русский национализм, на провозглашение шовинистических настроений не помогла спасти империю. После февраля 1917 г. начинается распад российского государства. Центральной власти никто добровольно не желает подчиняться. О процессе распада в отечественной литературе пишут крайне неохотно, хотя его масштабы накануне Октября 1917 г. были огромны. В частности, А.Ахиезер показал на конкретном материале тотальную дезинтеграцию общества, когда «отдельные части страны, вплоть до уездов, объявляли себя независимыми республиками»¹⁴.

Важно подчеркнуть, что по мере распада государства, всей социальной ткани общества идет радикализация позиций большевиков, но не наоборот. Не нужно путать причину со следствием. А.Л.Янов, бывший диссидент и убежденный либерал-западник, говорит, что «в 1916 г. еще не поздно было подумать о стратегии, способной перехватить инициативу у большевиков, дабы новое либеральное правительство смогло выжить на обломках самодержавия. ... Только предложить такую стратегию оказалось некому. ...В таких условиях они были, можно сказать, обречены победить». Теперь он готов предложить целую стратегию для того времени, чтобы «навсегда с ними покончить»¹⁵. Как говорят в таком случае, бог в помощь, кто мешал это сделать либералам: взять да противопоставить что-то разумное, по мнению А.Янова, четкой и понятной для огромных масс народа большевистской программе радикального переустройства России.

Уникальная историческая ситуация, которая складывалась в 1917 г., открыла перед страной на краткий миг возможность иной траектории развития. Октябрьская революция перевела эту возможность в практическую плоскость.

По мере нарастания противоречий в европейских странах развитого капитализма начинается рост интереса к идеям социализма. В первые десятилетия XX в., да и впоследствии о социализме говорила вся Европа. Известный теоретик либерализма Ф.Хайек в работе «Дорога к рабству» сокрушается о том, что «к концу XIX в. доверие к основным принципам либерализма стало стремительно падать. ... Все более широкое распространение получала точка зрения, что дальнейшее развитие невозможно на том же фундаменте, что общество требует коренной реконструкции. ... Социализм вы-

теснил либерализм и стал доктриной, которой придерживаются сегодня большинство прогрессивных деятелей»¹⁶. Либерализм стал выглядеть как отвергнутый и заброшенный путь. По разным причинам политические партии и деятели отказывались от идеологии либерализма. Как отмечает историк Э.Хобсбаум, тогда «казалось очевидным, что прежний мир обречен. Старое общество, старая экономика, старые политические системы, как говорят китайцы, “утратили благословение небес”. Человечеству нужна была альтернатива. К 1914 г. она уже существовала. Социалистические партии олицетворяли эту инициативу. ... Социализм прочно утвердился в европейском сознании как великий освободительный идеал»¹⁷.

В последнее время предпринимается немало попыток объявить идеи социализма виноватыми в том, что либерализм не нашел общего языка с имперским мышлением в дореволюционной России. Но социалистическая идея потому и победила в стране, что российская имперская идентичность и западный конституционный либерализм были тогда на политическом поле полнейшими антитепами.

Вкратце можно сделать следующие выводы из революционно-го разрешения ситуации столетней давности.

1. Российская империя попала в исторический тупик, сложившийся в ходе движения России по капиталистическому пути. Тупик был объективно обусловлен периферийным положением российской империи в капиталистической мироэкономике. В сложившемся тогда мировом разделении общественного труда Россия становилась во все большей мере поставщиком природного сырья, зерна, других сельскохозяйственных продуктов, в получении которых были заинтересованы страны центра капиталистической системы.

2. Конфликтное обострение всех противоречий в российском обществе стало результатом полной неспособности правящей элиты понять ситуацию и принять адекватные меры. Это привело к предельно острому формам протекания революции.

3. Октябрьская революция вывела страну из исторического тупика. Она радикально изменила положение страны на мировой арене, характер воздействия внешних факторов на развитие России, на решение задач по модернизации хозяйства. Советская Россия перестает быть периферией капиталистической мироэкономики,

прекращает свое движение по логике зависимого типа развития, становится независимой в финансовом отношении страной, из нее перестают уходить капиталы в Западную Европу.

4. Обретение страной нового, социалистического вектора развития было закономерным явлением, порожденным ходом развития как европейского, так и российского общества, всем ходом всемирной истории.

5. Октябрьская революция, которая произошла на периферии, а не в центре капиталистической микроэкономики, видоизменила порядок очередности преобразований в стране. Социалистический вектор развития в своем развертывании в советском обществе приобрел динамику, обратную динамике социалистических движений в развитых странах Европы. Движение от социализма к демократии было порождено экономической, политической, культурной отсталостью советской России. Оно вызвало необходимость самостоятельной разработки движения по социалистическому пути, незнакомому западной мысли, в том числе модели «партия – государство», поставило под сомнение многие привычные до того времени европейские представления о социализме. Вместе с тем историческое движение по пути раннего, государственного социализма объективно несло в себе угрозу схода с избранного пути, потери вектора социалистического развития и возвращения к капитализму, к тому, что навсегда казалось принадлежит прошлой истории.

6. Внешний фактор выступает не только в роли катализатора событий в российском обществе. Он был и остается сегодня важнейшим фактором, способным решающим образом, особенно в экстремальных условиях выживания страны, повлиять на сам выбор ею общенациональной стратегии развития.

Многие ученые, считающие себя марксистами, полагают, что созданный в Советском Союзе «социализм» не имел ничего общего с учением К.Маркса. Этот спор во многом беспредметный, ибо исходные посылки обеих сторон делают невозможным содержательный дискурс. Китай, к примеру, мало обращает внимания на то, что он строит китайский социализм не по Марксу, но от имени Маркса, имея в виду выдвинутый им великий общечеловеческий идеал: освобождение труда. Современные споры вокруг природы социализма вызывают отчуждение и взаимные подозрения среди

различных отрядов левого движения, но для российской истории, по моему глубокому убеждению, советский социализм оказался естественным и закономерным ее этапом.

В течение более семидесяти лет Советский Союз находился за пределами капиталистической мироэкономики, не был включен в капиталистическое мировое разделение труда. Руководство страны предприняло грандиозную попытку создания альтернативной Западу мировой социалистической системы с присущим ей своим общественным разделением труда. Считалось, что связь между двумя мировыми системами должна строиться на основе взаимовыгодных торговых отношений.

Великая депрессия 1929–1932 гг., которая поразила весь западный мир и особенно США, помогла Советскому Союзу провести ускоренную индустриализацию. Ю.Кагарлицкий, в частности, обратил особое внимание на ту исключительную роль, которую сыграла внешняя торговля в стране в начале 30-х гг. XX в.¹⁸. Экономический кризис сократил объемы мировой торговли на две трети. На мировых рынках в кредит и за полцены продавалось не просто промышленное оборудование, но целые комплекты самых современных по тому времени заводов, чем и воспользовался Сталин для ускорения темпов индустриализации страны. Все это позволило Л.Троцкому, который к тому времени был выслан за пределы страны, написать в апреле 1931 г. в своем журнале «Бюллетень оппозиции», что для Сталина «цифры внешней торговли все больше становятся командующими цифрами по отношению к планам и темпам социалистического строительства»¹⁹. А цифры внешней торговли просто поражают воображение. В 1932 г. около половины всего мирового экспорта машин приходится на СССР. Оборотной стороной мощного модернизационного рывка, который сделала страна в начале 30-х гг. XX в., стало стремительное утверждение в теории и на практике административно-командного, государственного социализма.

Шаги, которые предприняла власть после смерти Сталина, были робкими и непоследовательными. Командно-административный, государственный социализм все более входил в противоречие с народными, массовыми представлениями о нём. В советском обществе боролись, особенно начиная с 60-х гг. XX в., две позиции в понимании советского социализма: демократически-народная по-

зиция и административно-командная, за которой стояла партийно-государственная бюрократия. Отрыв, отчуждение власти от народа достигли тогда огромных размеров. Здесь уместно напомнить слова В.И.Ленина о том, что «нельзя победившему социализму удерживать своей победы без осуществления полностью демократии»²⁰. Демократия есть в своей сущности способность народа самому решать свои собственные проблемы, и в этом смысле демократия выступает как всеобщее участие всей массы населения во всех государственных делах.

Запад, не смирившись с потерей российской империи как своего постоянного сырьевого придатка, делал все, чтобы вернуть Советский Союз в орбиту своего влияния. Запад начал втягивать СССР обратно в капиталистическую мировую систему примерно с начала 70-х гг., особенно после того, как в страну обильно потекли нефтедоллары и дешевые кредиты. Власть, партийно-государственная номенклатура использовала их прежде всего для увеличения добычи и транспортировки на Запад нефти и газа вместо развития постиндустриальных «высоких» технологий. Правящая элита фактически проигнорировала приход постиндустриального общества, ей удалось затормозить проведение абсолютно необходимых, но опасных для ее монопольного положения в обществе политических реформ. В итоге, стала явно обнаруживаться утрата страной реальных стратегических целей, а также технологическое отставание советской экономики от Запада, который переиграл к концу 80-х гг. прошлого века отечественную, теоретически не очень образованную партийно-государственную номенклатуру.

Спустя 74 года мировой капитализм взял реванш за проигрыш в 1917 г. Постсоветская Россия вернулась на прежнее место в мировом капиталистическом разделении труда, которое она занимала до 1917 г., со всеми вытекающими отсюда последствиями. Она вновь становится сырьевым придатком Запада с постоянным оттоком финансового капитала и интеллектуальных ресурсов страны. Одним словом, постсоветская Россия есть отсталая и зависимая периферия капиталистической мироэкономики, что, разумеется, не означает автоматического превращения страны в капиталистическую. Условно говоря, начинается строительство или реставрация капитализма, которая реально обнаруживает себя как выборочная

промышленная модернизация в тех отраслях экономики, которые нужны Западу. В первую очередь это касается нефтегазового сектора и добычи цветных металлов.

Постсоветская Россия – вновь перекресток, на котором сходятся все противоречия современного мира. Россия вновь переживает раскол – экономический, социальный, политический, культурный. В обществе накопилось много самых острых противоречий. Остановимся на главных из них.

1. Большое сходство с ситуацией столетней давности имеют нынешние противоречия в социальной сфере. Произошло мощное социальное расслоение российского общества на богатых – слой крупных предпринимателей, менеджеров, владельцев банков, акционерных обществ, средств массовой информации, а также их интеллектуальной и иной услуги, живущей в мире больших денег, информационных и финансовых технологий, – и бедных. А это основная масса населения, четыре пятых его, в том числе рабочие, научная и производственная интеллигенция, врачи, преподаватели вузов, учителя и т.д. Большая их часть прозябает в откровенной бедности. Разрыв в уровне жизни между сильными и богатыми, с одной стороны, слабыми и бедными – с другой, достиг в России невероятных размеров. О сколько-нибудь значительных размерах среднего класса говорить не приходится.

Масштабы бедности настолько велики, что она поразила как работников государственной сферы, так и лиц наемного труда, не говоря уже о нищенском положении основной массы деревенских жителей. Отсюда их общее неприятие растущей численности класса богатых и особенно сегодняшних миллиардеров и миллионеров. Особую опасность для судьбы государства имеет недопустимо высокий, в десятки раз, разрыв в уровнях экономического, социального, культурного развития, по объемам инвестиций между различными субъектами Федерации. Это вызывает сепаратистские и националистические настроения, стремления к сецессии, которые в условиях определенного усиления вертикали власти приобрели во многом латентный, скрытый характер.

2. Сохраняется глубокий политический раскол в российском обществе. Институты западной либеральной демократии плохо приживаются на российской почве, что вызывает одновременно критику и справа, и слева.

Радикал-либералы продолжают требовать смены сегодняшней «матрицы» российской государственности, которая якобы себя полностью исчерпала, на западную «матрицу». Но ведь именно они несут ответственность за полный провал либеральных реформ, предпринятых в стране в 90-е гг. прошлого века. Все государственники, державники, от консерваторов до левых, говорят о том, что сильная централизованная власть есть первейшее условие устойчивости российского государства. Левые, выступая за сильное централизованное государство, требуют, однако, решительного пересмотра концепции развития общества, которую сегодня можно назвать либерал-консервативной, практически являющейся официальной идеологией власти. При этом идеи нового социализма получают все большее распространение в левом движении в России.

3. Массовое сознание общества пронизано многочисленными противоречиями культурно-цивилизационного характера. Европеизированная часть населения страны – зажиточные и богатые люди, которые ориентированы на европейские, западные ценности и образ жизни, – составляет примерно 20–25% населения, остальная часть российского населения живет в традиционном мире, она далека от европейских стандартов зарплаты, быта, качества услуг. Отсюда столкновение двух культурных «матриц», присущих основной части населения. Идентификация правящей элитой себя с европейской общественной системой все больше становится идеологией реформируемой России. Но все дело в том, что идет, как и сто лет назад, выборочная европеизация страны. Остальная часть страны продолжает жить либо по советским обычаям, либо деградирует, либо впадает в этническую, языческую архаику, но отнюдь не европеизируется.

4. Названные и многие другие внутренние противоречия суть порождение основного противоречия эпохи глобализации. «Россия – это удивительный континент, парадоксальным образом соединяющий в себе структурные черты как сырьевого Юга, так и высокотехнологического Севера», – пишет экономист А.И.Некlessа²¹. Эти слова нужно понимать так, что в России идет борьба за выбор приоритетных путей развития: или ускоренного создания современной высокотехнологичной промышленности, или сохранения преимущественной ориентации на добычу природного сырья, что

и будет означать сохранение зависимого типа развития как страны периферийного капитализма. Россия, несмотря на все уверения власти, продолжает линию на первоочередное развитие экспортно-ориентированных отраслей сырьевой экономики, становясь при этом все более значимой частью западной экономики. Такая политика будет вести к дальнейшему увеличению разрыва между слоем лиц, занятых на производстве и в офисах удовлетворением западных потребностей, и основной частью населения, выступающей жертвами такой направленности экономики, социального разрыва между различными субъектами федерации.

За каждой из сторон этого экономического противоречия стоят определенные силы: с одной стороны, сырьевой и торгово-посреднический капитал, ориентированный на удовлетворение потребностей Запада, с другой стороны, национальный капитал, ориентированный на развитие реального, промышленного сектора экономики. Запад совершенно не заинтересован в развитии в стране современного инновационного производства, которое только и может выступать реальной основой бытия России как державы. Иначе говоря, страны, которая, принимая суверенные решения, исходит из своих национальных интересов, а не подчиняется диктату внешних условий ее существования в мировом сообществе.

В чем же заключается смысл тех невыученных уроков, которые страна проходила столетие назад? Власть в России осознает серьезность некоторых проблем, в частности, социальной, но действия ее не отличаются последовательностью, тем более теоретической обоснованностью. С начала века в стране одновременно проводилось более десятка реформ, но не было ни одного документа, в котором было бы показано их системное единство, социальные последствия, необходимые для их проведения финансовые, кадровые и иные ресурсы, связь реформ с национально-культурными традициями. Ныне власть признала, что прагматизм как основа ее действий себя полностью исчерпал, появились проекты развития социально-экономической сферы жизни на годы вперед, но видение реальных проблем далеко не соответствует их остроте и масштабам. Есть все основания говорить о том, что действия власти не работают на опережение, на своевременное разрешение противоречий в различных сферах общественной жизни.

Современное состояние страны наглядно демонстрирует уже знакомую ситуацию наложения различных эпох и свойственных им противоречий. Это означает, что в России, на периферии капиталистической мироэкономики, судя по историческому опыту, обострение противоречий может произойти раньше, чем в центре или близких к центру государств, поскольку им удастся решать часть социальных проблем за счет стран периферийного капитализма. Впрочем, чем дальше, тем в меньшей степени. Казалось бы, ход развития исторических событий в начале прошлого века, приведших к революции 1917 г., раскрывает нам некоторые «секреты» сценария, по которому может сложиться аналогичная ситуация в обозримом будущем.

Но есть одно кардинальное отличие от ситуации столетней давности, которое заставляет во многом по-новому посмотреть на грядущие перспективы разрешения сложившейся в России массы острейших противоречий. Заключается оно в том, что капитализм как мировая система исторически себя изжил. Видны исторические его границы, что убедительно показывает начавшийся мировой финансовый кризис, ставший итогом навязанной всему сообществу стран неолиберальной модели глобализации. Политические лидеры, ученые разных стран заговорили о радикальной смене модели капитализма. Какой же может быть в этих условиях наиболее оптимальный сценарий развития России? Вся многовековая история отношений с Западом показывает, что, несмотря на все ранее сказанное, связи между Россией и Западной Европой становились и становятся все более тесными и многосторонними. Сегодня можно говорить уже не просто о неразрывности этих связей, а о начале становления в XXI в. некоторой единой целостности. Но ее становление может идти двояким путем, и она может обрести различные формы.

Либерально-консервативная мысль утверждает, что россияне – европейцы, что у россиян и европейцев общая европейская идентичность. С этим можно в общем согласиться, но с некоторыми оговорками. Во-первых, если Россия и есть Европа, то только «другая Европа». Признание общей принадлежности предполагает обозначение серьезных различий между ними, анализу которых посвящена большая литература²². Хотелось бы обратить внимание только на один, но принципиальный

момент. В самой европейской идентичности важное место занимают социалистические ценности. Невозможно представить развитие западноевропейской мысли вне борьбы и взаимодействия идей либерализма и социализма, а западноевропейского капиталистического общества вне борьбы либеральных и социал-демократических движений и партий. В подавляющей части отечественной литературы о ценностях социализма как неотъемлемой части европейской идентичности сегодня даже не упоминается.

Если в российском обществе власть намерена и дальше утверждать европейские ценности, которые на поверку оказываются чисто либеральными, то это будет способствовать дальнейшей реализации модели зависимого и отсталого развития страны, модели, которая и реализуется последние два десятилетия. Европа будет дальше развивать современное высокотехнологичное производство, а Россия становится все более значимым для нее партнером и естественной частью в качестве огромной и дешевой кладези природных богатств. В обозримой перспективе страну ждет нерадостная участь страны периферийного капитализма.

Известно, однако, что исторически неизбежный переход к новым общественным формам происходил и видимо будет происходить в будущем в странах периферийного капитализма. В таком случае у России вновь появится исторический шанс в том смысле, что в процессе разрешения своих противоречий она сможет предъявить миру новый проект общественного устройства вместе с новой идеологией его созидания. Этот классический путь, который был проверен на практике сто лет назад, сегодня, однако, не выглядит неизбежным. Если Россия становится в условиях глобализации все более органичной частью Европы, такой желанной для неё по причине своих природных богатств, то более дальновидным должно выглядеть для России обращение к идеям современного нового социализма XXI в.

Сто лет назад вся Европа говорила о социализме, грезилась им как новой желанной организацией общества, способной стать реальной альтернативой бесчеловечному капитализму тех времен, о чем выше было сказано. Идеи К.Маркса стали тогда развиваться в двух основных формах: в западноевропейской и российской, радикальной версии марксизма, которая отвечала потребностям

российского общества, зашедшего в имперский период истории в исторический тупик. Эту версию нельзя считать отклонением, а тем более извращением классического марксизма.

Современный мир левеет. Везде, во всех странах и на всех континентах вновь говорят о социализме. Россия может и должна выработать свою, новую его версию, что и откроет перед ней путь превращения в обозримом будущем в равноправную, хотя и сравнительно отсталую часть единой Европы. Отсюда неизбежно для страны, если она хочет иметь достойное будущее, обращение к социализму и к социалистическим ценностям Европы.

Социал-демократия Западной Европы осталась верна идее социализма, идет к нему своим собственным и довольно-таки сложным путем. Ее достижения несомненны и общезначимы. Российским левым необходимо переосмыслить исторический опыт западной социал-демократии, создать российскую, современную версию социализма и предложить ее обществу. Капиталистической единой Европе новый социализм противопоставляет радикально иную перспективу развития единой Европы, в которой России будет принадлежать другая роль и другая историческая судьба. При этом новый социализм вовсе не отрицает европейских либеральных ценностей – свободы, индивидуальной самостоятельности и ответственности личности.

Современный, новый социализм XXI в. явится продолжением многовековой традиции, которая включает в себя как крестьянский, так и пролетарский социализм. Современный интеллектуальный социализм сохраняет свою приверженность основным ценностям марксизма и прежде всего гуманистической идее освобождения труда. Необходимость в новой исторической форме социализма – социализма XXI в. – обусловлена появлением принципиально новой ступени в развитии человеческого общества, которое начинает основываться во все большей степени на знаниях, иначе говоря, становится обществом «знания».

В отечественной литературе в последние десятилетия началось активное обсуждение нового видения идеи социализма в эпоху глобализации. Начало, как мне представляется, в нашей стране было положено публикацией статьи В.М.Межуева «Социализм как пространство культуры» в 90-е гг.²³, но только в последние годы стали появляться работы, посвященных теории и, что самое глав-

ное, обобщению политической практики первых шагов нового социализма. Эти вопросы были в центре внимания двух международных форумов, прошедших в Москве в 2007–2008 гг.²⁴

Социализм, как некогда сказал о нем Г.Маркузе в своих 33 тезисах о социализме, означает определенное «всеобщее»: всеобщее свободных личностей²⁵. Для этого сегодня созданы или создаются при переходе к обществу «знания» необходимые предпосылки, подчеркнем, впервые в истории. Приобщение к научным знаниям, как к продуктам всеобщего труда позволяет индивиду свободно развиваться все более независимо от его производственных функций и ролей. Но здесь как раз необходимо говорить о преградах, которые ставит на этом пути сегодняшний капитализм.

Современная интеллектуальная мысль утверждает, что борьба за социализм – это борьба за знания, культуру, образование, за человеческую духовность и гуманистические ценности. Речь идет о становлении современного образованного человека, о способах выработки им мотивации к овладению научным знанием и его использованию, культуры как совокупного исторического опыта своей страны и человечества в целом. Вот что становится сегодня великой исторической целью нового социализма, который открывает реальные перспективы практического воплощения главной цели и задачи марксизма – освобождения труда не только в социальном, но теперь уже и в технологическом плане.

Потребность в новом социализме родилась в мировой мысли в ходе поисков выхода из тупика неолиберальной однополярной глобализации, которая лишь усиливает разделение современного мирового сообщества на центр и зависимую и отсталую периферию. Новый социальный идеал утверждает новую парадигму мышления – справедливый мир. Реальный переход к многополярному миру возможен только в том случае, если отношения между странами будут регулироваться новой системой международного права, основанной на принципе справедливости. Хотя здесь есть очень серьезная проблема, которую только начинают обсуждать в литературе, состоящая в том, как практически можно соединить право со справедливостью. Конечная цель такого радикального переустройства мира – положить конец несправедливым в самой своей основе экономическим отношениям между центром капиталистической мироэкономики и странами, находящимися на ее периферии.

Возможно ли это сделать мирным путем, путем контролируемого процесса переустройства мира или нет, покажет будущее. Здесь эпицентр сегодняшних обсуждений перспектив человечества, ибо неуправляемый распад капиталистической мироэкономики будет означать настоящую вселенскую катастрофу. Но в любом случае борьба во всем мире идет за право выбора каждым государством, в том числе и Россией, своего национального пути развития. Для России это будет российский социализм XXI в. с его прочной опорой на свою национально-культурную традицию, в которой во все времена особую роль играла и продолжает играть идея социальной справедливости. Ситуация в мире, вместе с тем, настолько изменилась, что у нового социализма нет шансов превратиться в универсальный социализм советского образца, которому надлежало следовать в XX в. всем странам, вступившим на путь социалистических преобразований.

Другими словами, новый социализм XXI в. по мере своего развития все в большей степени начнет приобретать в теории и на практике в разных странах цивилизационную специфику. В каждой стране, каждом регионе складывается свое сложное соединение и сочетание различных исторических типов социализма с их различными системами ценностей, которые нужно уметь соединять в политических практиках сегодняшнего дня. Самые трудные проблемы начинаются тогда, когда речь заходит о субъективной стороне исторического процесса, о социальных силах, способных в исторической перспективе к реализации объективной потребности для страны российского варианта социализма XXI в.

Уникальное стечение обстоятельств позволило Советской России после Октября 1917 г. «выпасть» из капиталистической мироэкономики и тем самым выйти из исторического тупика. В современную эпоху такого рода обстоятельства могут сложиться только в случае краха всей системы международных отношений. Но есть большая опасность в том, что в любом случае радикальное обострение всех противоречий российского общества может привести только к еще одному и теперь уже наверняка последнему распаду российского государства. Сегодняшние требования перестройки всей системы международных отношений все чаще связываются с достижением справедливости. Но власть, которая преследует либеральные цели и надеется на рыночную конкурентоспособность

ее капиталистической экономики, не может взывать к справедливости. Если власть желает сыграть на опережение, она вынуждена будет принять ценности нового социализма как с точки зрения решения внутренних проблем – создания реальной инновационной экономики и решения социальных проблем, так и внешних – требования перестройки всей системы международных отношений и международного права с позиций справедливости, тем более сегодня, в условиях системного финансового кризиса. Под другими знаменами эволюционный путь развития России не состоится.

Примечания

- ¹ Валлерстайн И. Утопийское, или исторические возможности XXI в. // Прогнозис. 2006. № 1. С. 25.
- ² Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI в. М., 2003. С. 50.
- ³ Салмин А. Новая система мира // Независимая газ. 11.04.2001. С. 6.
- ⁴ Соловей В.Д. Перспективы революции // Свободная мысль. 2007. № 10. С. 76.
- ⁵ Малиновский А.А. Глобализация как цивилизационный процесс // Россия и современный мир. 2001. № 2. С. 27.
- ⁶ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 321.
- ⁷ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 23. С. 770–773.
- ⁸ Люксембург Р. Накопление капитала. М., 1922. С. 22.
- ⁹ См. подробнее: Кагарлицкий Б.Ю. Предисловие к кн.: Валлерстайн Э. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
- ¹⁰ Тарновский К.Н., Шевченко В.Н. Великий Октябрь и современность // Филос. науки. 1989. № 9. С. 9.
- ¹¹ Федотов Г. Письма о русской культуре // Русская идея / Сост. М.А.Маслин. М., 1992. С. 390.
- ¹² См. подробнее: Алексеева Е.Ю. Диффузия европейских инноваций в России. XVIII–XX в. М., 2007. С. 190 и далее.
- ¹³ Столыгин П.А. Нам нужна великая Россия. М., 1991. С. 128–129.
- ¹⁴ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. I. М., 1991. С. 298.
- ¹⁵ Янов А.Л. Россия против России. Очерки истории русского национализма. 1825–1921. Новосибирск, 1999. С. 263–264.
- ¹⁶ Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 2005. С. 46, 49.
- ¹⁷ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004. С. 67.
- ¹⁸ Кагарлицкий Б.Ю. Россия: периферийная империя. М., 2003. Гл. XIV: Советский мир.

- 19 Бюллетень оппозиции. Апр. 1931. № 20. С. 4.
- 20 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 128.
- 21 Неклесса А.И. Постсоветский мир в новой системе координат // Глобальное сообщество: новая система координат. СПб., 2000. С. 248.
- 22 Среди работ теоретического характера: Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1999; Кантор В. Русский европеец как явление культуры. М., 2001; его же. Европейский смысл России // Свободная мысль – XXI. 2005. № 7; Чубарьян А. Российский европеизм. М., 2006.
- 23 Межуев В.М. Социализм как пространство культуры // Альтернативы. 1999. № 2.
- 24 Материалы I Международного социалистического форума «Решение социальных проблем XXI в. – социалистическая альтернатива» / Отв. ред. В.Н.Шевченко. М., 2008; Материалы II Международного социалистического форума «Устойчивое развитие мирового сообщества в XXI в. – социалистическая стратегия» / Отв. ред. В.Н.Шевченко М., 2008; См. также: Славин Б.Ф. Новая модель социализма // Свободная мысль. 2007. № 11; Шубин А. Долгий путь к социализму // Альтернативы. 2008 № 2; Самир Амин. Социализм XXI в. // Альтернативы. 2008. № 3.
- 25 Маркузе Г. 33 тезиса // Альтернативы. 2007. № 2. С. 63.